

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Сеанс с разоблачением

Как «инспектор Росфинмониторинга» и два «капитана ФСБ» разводили меня на деньги в несуществующем банке

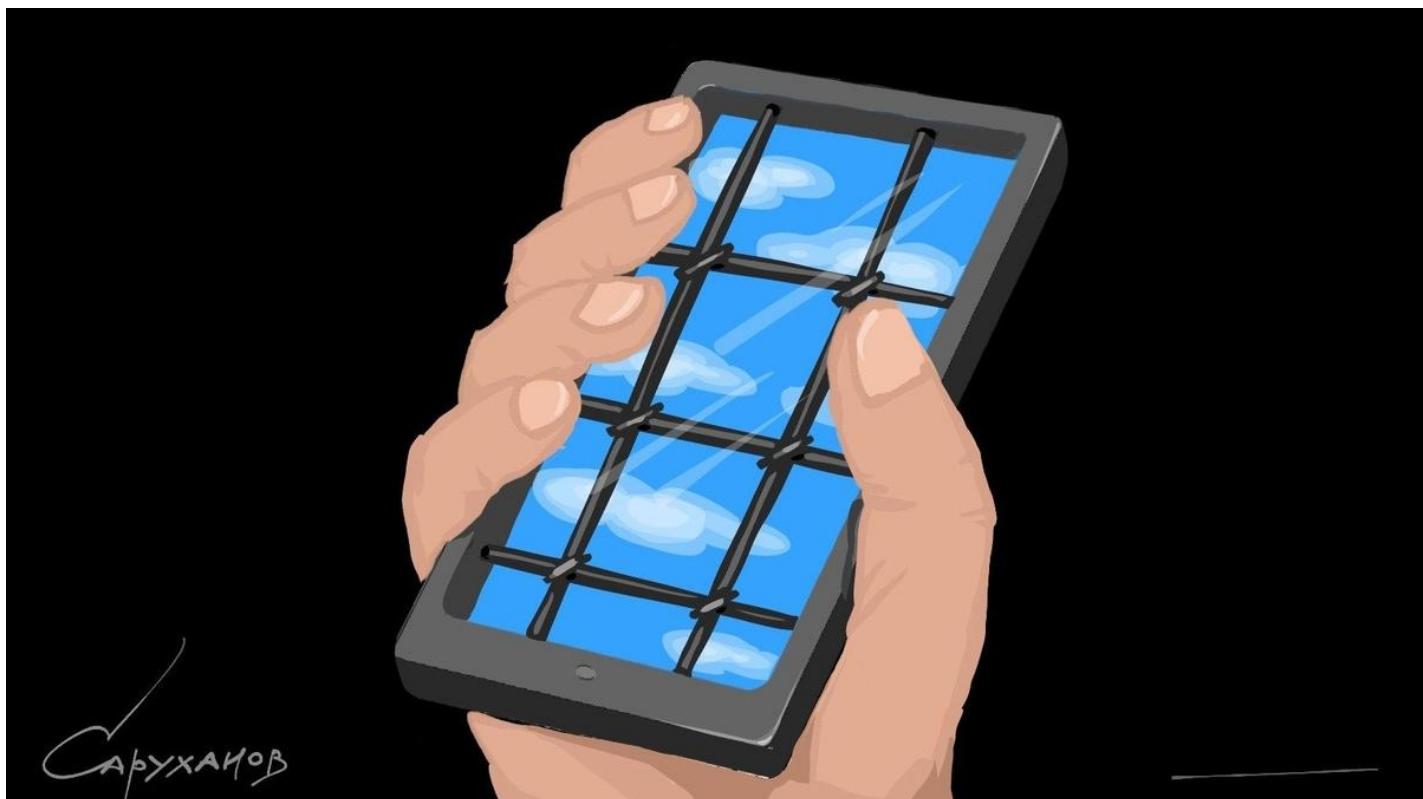

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

07:00, 17 апреля 2025,

Ирина Тумакова*

спецкор «Новой газеты»

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

**18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ)
ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ)
ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ.**

Когда вам звонят мошенники, вы это можете сразу понять. Можете, поверьте. Если будете в принципе готовы к тому, что так звонят только мошенники. Большинство из них — малограмотные дураки. Они хотят взять вас нахрапом в расчете на испуг, шок, удивление.

Однажды мне позвонил рыдающий женский голос: «Мама! Это я, дочь твоя, я в реанимации!» Моя единственная на тот момент «дочь», собака Соня, в это время топталась рядом, вымогая печенье. Я спросила у «дочери» в телефоне, почему в реанимации она так кричит. Она сообщила, что реанимируют не только ее, но еще и мужика, сбитого ею на машине. И если я немедленно не переведу на нужный номер телефона 300 тысяч рублей, «дочь» посадят в тюрьму на пять лет или больше, следователь рядом ждет. Я ответила: «Знаешь, доченька, будет дешевле, если ты отсидишь».

Но могло быть и по-другому. У меня могла быть реальная дочь, нормальную мать слово «реанимация» повергает в ступор, и от ужаса ты перестаешь различать голоса, особенно если голос гундит и рыдает.

Дело было лет пять назад, с тех пор мы наслушались и начитались таких историй, стали бдительны, научились

отвечать «дочерям», что «вечер в хату». Кстати, не факт, что правильно: кол-центр не обязательно тюремный. Однако и мошенники учатся. Среди моих знакомых есть вполне разумные и скептичные люди, которых удалось обмануть. Я ждала, что рано или поздно мне тоже позвонят и я тоже не распознаю ловушку. И вот это случилось. Расчет у мошенников прежний: испуг, шок, удивление. И они по-прежнему малограмотные дураки, хоть и с опытом. Рассказываю, как они работают. По шагам.

1. Вам покажут реальные имя и фото «начальника»

Утром 10 марта в телеграмме мне пришло сообщение, где контактом значился старший коллега. Я не буду называть его имя и статус, пусть это будет условно Иван Иванович. Имя отразилось его, но пришло сообщение не с того аккаунта, с которого он пишет обычно. На фото был он, но у реального Ивана Ивановича картинка другая. Прежде чем ответить, я полезла в Гугл, ввела фамилию начальника и увидела, что именно это фото чаще всего попадается в интернете рядом с его именем. Впрочем, всякое бывает. Я ответила на приветствие, он продолжил переписку.

Иван Иванович сообщил, что «у нас произошла утечка документов», украдены личные данные сотрудников, скоро мне позвонит «человек из ведомства» по имени Молотов Евгений Борисович, и я должна «отвечать всё как есть».

Человек из руководства «Новой газеты», блестящий журналист, который славится безупречной грамотностью, писал мне чудовищным канцеляритом. Видимо, в представлении автора сообщений так должны общаться все начальники. И он писал с ошибками. Я вспомнила известный фильм: «Чтоб у подружки Фокса был такой задрипанный вид...» И когда позвонил обещанный Евгений Борисович, у меня уже был включен

диктофон.

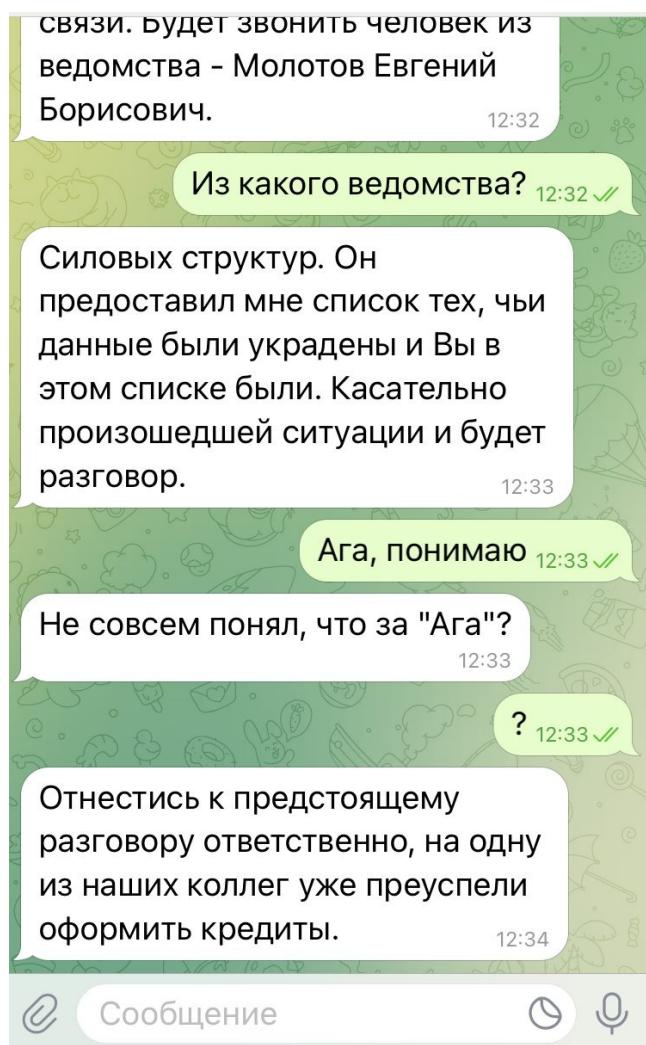
Фото: Александр Коряков / Коммерсантъ

2. Вас предупредят о строжайшей секретности

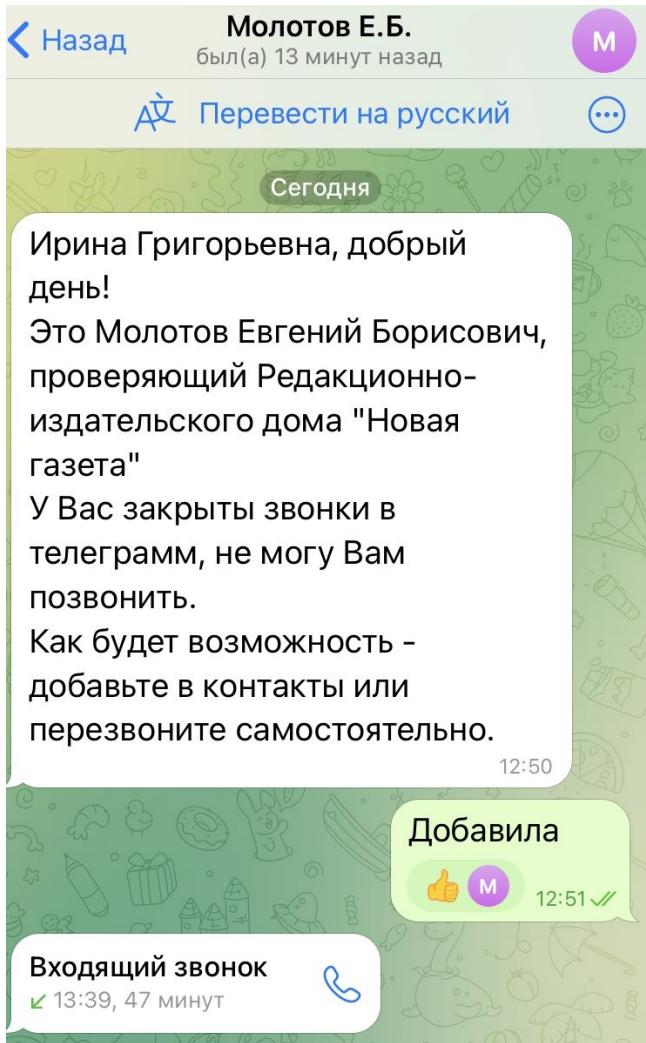
Евгений Борисович Молотов звонил с питерского номера: +7 (911) 563-8990. Потом перезвонил через телеграм. Вежливо поздоровался и сослался на Ивана Ивановича. Дальше все цитаты я буду приводить дословно, сохраняя авторский слог.

— Давайте я полноценно представлюсь, чтобы вы имели понимание, с кем будете разговор вести, — начал он. — Я являюсь капитаном Федеральной службы безопасности и временно прикомандирован к Редакционно-издательскому дому «Новая газета» в качестве начальника внутренней безопасности. В связи с утечкой персональных данных я курирую проверку, отвечаю как за внутреннюю, так и за

внешнюю безопасность.

Скрин переписки

Скрин переписки

На своем конце «провод» я изобразила сплошное ухо. Евгений Борисович, конечно, не видел этого, но просто обязан был слышать, как я ему верю. У него был южнорусский говор, но в столичном главке ФСБ, в конце концов, могут работать люди со всей страны. Ничего особенного.

— Первоначально ставлю вас в известность о том, что разговор наш с вами необходимо вести сугубо в конфиденциальной обстановке, — продолжил он. — То есть без лишних ушей. С вашей стороны это условие выполнимо?

Этот момент Евгений Борисович выяснял очень настойчиво, много раз переспрашивал. И сделал первую промашку. Я не успела придумать легенду, честно брякнула, что нахожусь дома. Сразу прикусила язык, но слово вылетело. Позже я «передумаю» и буду уже в гостинице «Атриум» в Абхазии. «Капитан ФСБ» не

заметит оплошности.

Евгений Борисович повторил рассказ об украденных данных и спросил, какие именно документы я оставляла в редакции. Я послушно перечислила всё, что передает кадрам любой сотрудник.

— Сейчас в отношении вас и некоторых ваших коллег по работе, бывших и действующих, мошенники интересуются в финансовом плане, — сообщил Евгений Борисович. — То есть подаются заявки на оформление кредита, а также попытки списания личных сбережений. Происходили они и в отношении вас. Уже были случаи, когда мошенникам удавалось переоформить движимое и недвижимое имущество.

Я испуганно ахнула. Недвижимое имущество подо мной качнулось.

— Эти попытки пока что успехом не увенчались, — успокоил меня Евгений Борисович. — Но риски и угрозу необходимо в любом случае нивелировать.

Я поблагодарила его за заботу.

Семь минут Евгений Борисович монологом рассказывал мне, как именно мошенники будут похищать мои деньги. И он, и все, кто будет говорить со мной после него, окажутся чрезвычайно многословны. Наверное, так надо, чтобы совсем задурить лоху голову. И это работает. У меня, например, через полчаса перестал складываться пасьянс.

3. Вам скажут, что под подозрением ваш банк и нечего туда жаловаться

Этот важный тезис Евгений Борисович повторил много раз. Он очень тщательно втолковывал мне, что «сугубо сотрудники

банка» совершают черное дело.

— Меня интересует ваше мнение: почему, как вы считаете, мы подозреваем именно банкиров, а не каких-то проходимцев? — спросил он, закончив объяснять.

— Потому что у банкиров доступ к персональным данным, — прилежно ответила я.

— Абсолютно верно, — похвалил Евгений Борисович. — У них имеется немаловажный инструмент — доступ к самой банковской системе, с помощью которой они все действия могут производить и выходить сухими из воды.

Евгений Борисович объяснил, почему это надо усвоить: ни в коем случае нельзя звонить в банк, о чем-то спрашивать его сотрудников и вообще пытаться спасти деньги с их помощью. Я дала честное комсомольское, что не буду.

— Бежать в банк, либо же звонить, либо блокировать все карты и так далее — вам это не поможет, — уверял меня Евгений Борисович. — Дело далеко не в картах, а ваших паспортных данных, только в документах по этому поводу.

Но прошло 10 минут, а собеседник ни разу не сказал, в какой именно банк я не должна бежать и звонить. Оказалось, это впереди. Сначала надо клиента «довести до кондиции»: напугать так, чтобы он всем сердцем верил только звонящим.

Фото: Антон Новодережкин / Коммерсантъ

4. Вас напугают уголовными делами

— Вы знаете такую организацию — Российский финансовый мониторинг? — спросил Евгений Борисович. — Я вам скажу, почему я начал разговор за данное ведомство. Эта организация сегодняшним днем предоставила мне отчетность по вам, Ирина Григорьевна, в которой указано, что ранним утром на сегодняшний момент от вашего имени по вашим паспортным данным последовала попытка перевода денежных средств в адрес некого Волобуева Игоря Михайловича. — Голос собеседника стал жестким. — Данная личность, Волобуев Игорь Михайлович, вам знаком?

Это был трудный момент. Конечно, я знала кто такой Волобуев: бывший сотрудник «Газпрома», уехавший в Украину с началом СВО. В августе прошлого года он был заочно арестован по обвинению в госизмене и терроризме. От смеха у меня дрогнул голос: ребята изучили вопрос. Евгений Борисович на том конце

запнулся. Я поспешила заверить его, что знать не знаю Волобуева.

— Волобуев находится на территории Украины и является террористом, — грозно сказал Евгений Борисович. — Который сбежал туда еще после начала специальной военной операции и сейчас является одним из участников подразделения «Полк Азов»**. Банкиры пытались вас подставить финансово, репутационно и уголовно. На ваши деньги Волобуев должен был закупить дроны и оружие для ВСУ. Вас могут обвинить в финансировании терроризма и в государственной измене.

Я практически рыдала от страха. Не зная, что в таких случаях говорят испуганные жертвы, выдала в трубку тяжелый вздох.

— В растерянности сейчас находитесь? — поинтересовался Евгений Борисович.

— Да, — пискнула я.

— Понимаю, — удовлетворенно отметил он. — У вас сейчас такое шоковое состояние. Это нормально, для вас эта ситуация может выглядеть как какой-то метеорит, который на вас летит и не может остановиться.

— Да, — повторила я.

— Ирина Григорьевна, мы вам поможем, — ласково сказал Евгений Борисович. — Но сначала давайте разберемся с вашими переводами.

5. У вас выяснят, в каком банке вы храните деньги и какую сумму

— Сегодня было три попытки перевести деньги с ваших счетов, — сообщил мне Евгений Борисович.

— Но они ведь не удались? — с надеждой спросила я и на всякий случай заглянула в банковское приложение. Все 7492 рубля были на месте. Платеж собачьему приюту ушел по расписанию.

— Первая попытка перевода Волобуеву была на сумму один миллион 119 тысяч рублей, — сказал Евгений Борисович.

Я невольно присвистнула.

— Была она приостановлена в 4:53 утра сегодня по московскому времени, — продолжал Молотов. — Далее они пытались перевести сумму мене. Вторая транзакция, на сумму 761 тысяча рублей, была указана в 05:01, ее также приостановили. И третья — на 312 тысяч рублей. В 5:17 ее так же успешно приостановили.

— Спасибо, — от всей души выдохнула я.

— В тот момент, когда это происходило, вы где находились? — спросил Евгений Борисович. — И кто может это подтвердить?

Вот тут я и выдала «Атриум» в Абхазии, решив, что уж врать так врать. Но Евгений Борисович подошел к животрепещущему моменту: сколько у клиента денег, стоит ли овчинка выделки. Он пропустил Абхазию мимо ушей.

— Это ваши личные сбережения? — поинтересовался он. — Или кредитные деньги?

— Личные сбережения, — обрадовала я его. И добавила, чтобы помочь органам: — Но там нет миллиона.

— То есть от второй транзакции до миллиона? — осторожно уточнил он.

— Да, восемьсот тысяч с небольшим, — сказала я, не зная,

достаточная ли это сумма, чтобы со мной дальше возились.

— Ага, я информацию тогда себе указал, — удовлетворенно заметил Евгений Борисович и перешел к следующему пункту. — Вы в попытке такого хищения какой банк можете рассматривать как потенциального подозреваемого?

— У меня деньги в Ситибанке, — простодушно призналась я.

Ситибанк начал уходить из России еще в 2021 году, от розничных клиентов он стал избавляться года три назад, а сейчас, кажется, ушел совсем. Я не очень разбираюсь в банках, но знала, что Сити можно называть с чистой душой. «Капитан ФСБ» благополучно это проглотил.

Мы разговаривали уже полчаса. Евгений Борисович мне очень надоел. Но он так и не сказал, как именно со счета в Ситибанке пропадут «мои» 800 тысяч.

— Что я должна делать дальше? — спросила я.

— Ирина Григорьевна, — проникновенно сказал Евгений Борисович. — Конкретные дальнейшие ваши действия может сориентировать Росфинмониторинг. Я направлю запрос в центральный аппарат, и с их стороны вам будет выделен сотрудник... Ага, вот я уже вижу, кто вам назначен. Запишите: инспектор Росфинмониторинга Тихонов Дмитрий Витальевич.

— Тихонов Дмитрий Витальевич, — повторила я.

— Пообщайтесь, обсудите моменты организационные и уже будете приступать к решению вопроса, — продолжал Евгений Борисович. — Контакт будет защищенный. А я вас больше не

задерживаю, честь имею, служу России.

Перед тем как сообщить, что он «честь имеет», Евгений Борисович заставил меня проговорить ситуацию, как я ее понимаю. Это повторялось потом с каждым из собеседников, как будто им требовалась запись с моим голосом. Уж не знаю зачем. Но вам предлагаю не разговаривать с мошенниками с самого начала. Как я потом узнаю, некоторым коллегам разводили тоже звонили, но были посланы на первой минуте. Мною же двигало любопытство: мне ужасно хотелось понять, как работает этот механизм, чего от меня в итоге потребуют. Сумму в Ситибанке они выяснили, но ведь зачем-то хотели продолжать разговор?

«Защищенный контакт» — это означало: я должна висеть на связи, ни в коем случае не нажимая «красную кнопку», никому не звонить, особенно в банк, не писать коллегам. Со следующим разводилой меня соединят.

В телефоне звучала тревожная музыка. Женский голос говорил: «Главный инспектор управления финансовых расследований обязан обнаружить и ликвидировать угрозу финансовой безопасности страны... Методика работы Росфинмониторинга не подлежит разглашению... Согласно части первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации за разглашение государственной тайны предусмотрена уголовная ответственность, лишение свободы на срок до четырех лет... Обязанность гражданина — строгое исполнение инструкций инспектора согласно действующему законодательству...»

Я трепетала.

6. Вас предупредят о строжайшей секретности. Иначе тоже уголовное дело

У «старшего инспектора отдела финансовых расследований Росфинмониторинга» Дмитрия Витальевича Тихонова говор был больше похож на московский. Мне показалось, что в их компании он главный. И он единственный догадался стереть переписку в телеграмме, где успел мне представиться. Правда, забыл, что существует такая штука, как скриншот.

Фото: Ярослав Чингаев / ТАСС

— Каким объемом информации вы владеете? — спросил он, заставив меня снова повторить историю про утекшие данные, Волобуева и попытки списать 800 тысяч в Ситибанке. — Я вас услышал. Это совпадает с моей отчетностью.

«Инспектор по расследованиям» поставил меня в известность, что я под страхом смерти не должна передавать третьим лицам

«информацию из нашего разговора», она «строго конфиденциальна». А не то я буду привлечена по статье 183 УК РФ о разглашении коммерческой, налоговой и банковской тайны. Мысленно я похвалила «инспектора» за знание Уголовного кодекса, это действительно 183-я статья.

— Ваши родственники, друзья, знакомые, коллеги по работе, Ирина Григорьевна, являются третьими лицами, — предупредил он. — Информацией не делитесь ни о ситуации, ни о работе с родственной нам ФСБ.

Я скосила глаз на диктофон, идет ли запись.

— А если я захочу обратиться к адвокату? — не смогла я удержаться.

— Зачем вам адвокат, если государство и так на вашей стороне?
— заволновался Тихонов.

— А вдруг меня обвинят в финансировании терроризма или даже в государственной измене? — продолжала я издеваться. — Мне точно понадобится адвокат.

— Как раз нет, — беспокойным голосом заверил меня Тихонов.
— Если бы вас сотрудник Федеральной службы безопасности хотел бы обвинить в финансировании терроризма, он бы с вами в таком контексте разговор не вел. Вам в виде исключения предоставляют возможность проблему решить, работая с Росфинмониторингом. Данная ситуация такова, что все нужные вам инструкции и рекомендации я предоставлю. Ваша задача — всех этих инструкций придерживаться.

Я согласилась. Но Тихонов уже напрягся, я даже думала, что сейчас соскочит. Наверное, он в это время думал то же самое обо мне, потому что стал настойчиво выяснять, одна ли я и не собираюсь ли куда пойти. В этот момент, как назло, в соседней

комнате завозился муж, собираясь гулять с собаками. Я вскочила, чтобы подать ему страшные знаки.

- Что у вас происходит? — продолжал волноваться Тихонов.
- В коридоре шум, — отчаянно врала я. — Я же в гостинице!
- Вы одна в гостиничном номере? — не унимался инспектор. — Или кто-то может прийти?
- Нет-нет, одна, совершенно одна! — уверяла я.
- Я требую от вас внимательности! — настаивал Тихонов. — Я в данный момент получаю отчетность от Федеральной службы безопасности, что вы с кем-то переписываетесь, кому-то печатаете сообщения в момент нашего диалога! Вы сейчас с кем-то переписываетесь? О чем вы переписываетесь?

С большим трудом я успокоила Тихонова. Он поверил, что прямо сейчас я ни с кем не советуюсь. Но собаки гулять не пошли.

7. Вам объяснят, как передать мошенникам все ваши данные

Задачей «инспектора Росфинмониторинга», видимо, был собственно отъем денег. Во всяком случае, именно он обещал мне прислать документы, куда я впишу СНИЛС, ИНН, номера счетов, адреса, явки, пароли — ну, всё, что велят. Забегая вперед, скажу, что до этого дело, увы, не дойдет: к середине второго часа разговора эти ребята начнут вызывать у меня изжогу и я выматерюсь впервые в жизни.

Но пока инспектор Тихонов повторял, как мантру: мчаться в банк, переводить деньги, блокировать карты, ждать сообщений от банка — бесполезно. Потому что злоумышленники уже

завладели главным — моим балансовым счетом.

— Чем завладели? — с настоящим интересом переспросила я.

— Балансовым счетом, — авторитетно объяснил инспектор. — Балансовый счет объединяет в себе все ваши документы, то есть паспортные данные, регистрационные, СНИЛС, электронную подпись, если она у вас есть, карты и счета. Дополнительно — кредитную историю. Мошенники, находясь внутри банковской системы, взломали доступ к балансовому счету и начали совершать попытки переводов именно по нему. Если бы операции совершались по конкретной карте, проблема решалась бы блокировкой и перевыпуском. Но вопрос сейчас намного глобальнее. Поэтому вам не приходило никаких уведомлений...

От восторга я почти онемела. Кажется, Тихонов рассыпал смешок.

— Ирина Григорьевна, с вами все в порядке? — снова заволновался он. — Успокойтесь, выпейте водички. Может быть, чаю.

— Да-да, я как раз пью, — выдавила я. — Чай.

И вот этот балансовый счет, продолжал Тихонов, надо будет теперь под его, Тихонова, руководством заблокировать, а потом открыть заново. То есть перерегистрировать все данные: СНИЛС, паспорт, подпись, номера счетов... Ну, вы поняли. Инструкции, как это сделать, мне пришлют. А пока я должна придумать «слово-идентификатор», чтобы опознавать посвященных в тему сотрудников.

— Какое у нас будет кодовое слово? — вкрадчиво спросил Тихонов.

В ящике стола у меня лежали таблетки от головной боли. Мне

ужасно хотелось съесть одну, прежде чем продолжать слушать инспектора.

— Лекарство, — сказала я. — Слово — «лекарство».

— Мне необходимо знать модель вашего телефона, — объявил вдруг Тихонов. — Чтобы понимать, хватит ли у вас заряда.

— Айфон-8, — соврала я, пытаясь представить, телефон-то им зачем.

С кодовым словом должен был подключиться четвертый коллега. Только потом Тихонов пришлет «нужную документацию». Я очень хотела закончить на этом, но было ужасно интересно, зачем четвертый.

— Мы с вами сейчас разговор прерываем, — сообщил Тихонов.

— Линию не занимайте, самостоятельно никому не звоните, с вами свяжется следователь.

8. Вас еще раз убеждают, что это не мошенники, и окончательно запугают

«Старший следователь ФСБ по особо важным делам» Андрей Викторович Колесников тоже почему-то носил звание капитана.

— Лекарство, — сказал он важным голосом.

— Да, — ответила я.

— Вы видите, с какого номера я звоню? — спросил он.

Номер был 8 (800) 224-2222. Дальше Колесников давал указания, а я честно их выполняла.

— Откройте поисковик, — командовал он. — Вводите

«Федеральная служба безопасности». Открывайте. Открыли? Что видите? Правильно: красным «Антитеррор» и номер телефона.

На сайте ФСБ я увидела номер для сообщений о террористах: 8 (800) 224-2222. Его же эмулировало устройство, с которого звонил «следователь» Колесников.

— Как вы думаете, зачем я прошу вас это сделать? — поинтересовался он. — Правильно: чтобы вы знали, что имеете дело не с какими-то мошенниками.

Потом Колесников стал перечислять мои данные, которые, видимо, может знать о человеке только настоящий чекист. Уж точно не тот, кто купил на Горбушке базу ГИБДД.

— Автомобиль (номер) вам знаком? — спрашивал он. — Та-а-ак... А вот такой адрес? Та-а-ак... А вот такая организация?

Шел второй час этой разводки. Мне почти хотелось этим людям заплатить, они потратили столько сил.

— Теперь я попрошу вас под запись представиться, назвать год рождения и подтвердить, что вы согласны сотрудничать с органами ФСБ, — попытался добить меня «следователь».

И вот это был перебор. Выговорить про сотрудничество язык у меня не повернулся.

— Может быть, лучше вы переведете мне деньги? — спросила я старшего следователя.

— Что? — оторопел он.

Я сделала то, от чего меня предостерегала вся их компания полтора часа: нажала «красную кнопку». Потом написала сообщения коллегам, потом позвонила в банк (не в Сити).

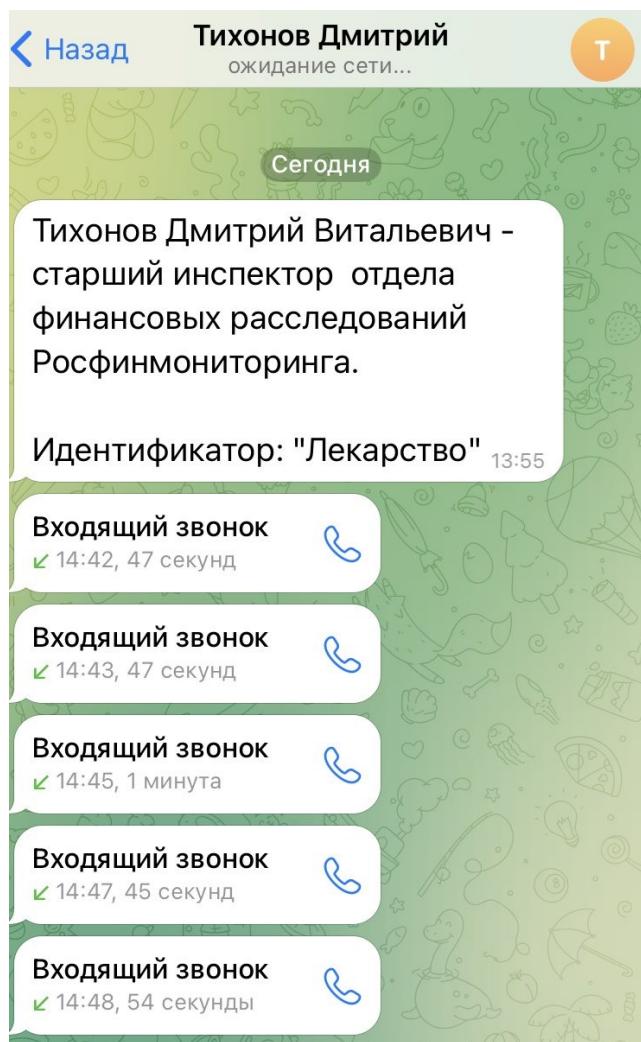
Эпилог

Через десять минут перезвонил Дмитрий Витальевич Тихонов.

— Что у вас произошло с Колесниковым? — встревоженно спросил он. — Почему прервали разговор?

— В следующий раз выясняйте, кому звоните, когда хотите кого-то *** [развести]. — Вообще-то я использовала другое слово, но «Росфинмониторинг» меня понял.

Он перезванивал еще пять раз. Очень хотел выяснить, где же они прокололись.

Скрин переписки

Этот материал вышел в шестом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших [партнеров](#).

* Властиами РФ внесена в реестр «иноагентов».

** В РФ признан террористической организацией, чья деятельность запрещена.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Положите трубку, наконец!](#)

Сотрудник спецслужб и специалист в области платежных систем объясняют, почему невозможно техническими средствами решить проблему телефонных мошенников

12:02, 17 апреля 2025, Ирек Муртазин